

<제 4 세션> Ethnicity and Education of Diaspora

- 사 회 백 영옥 (명지대)

- 발 표
 - ▷ German Kim (Kazakhstan National al-Farabi University)
Paradigm of Diaspora Identity and Language
 - ▷ 김 응기 (홍익대)
험한시위를 통해 보는 재일코리안 사회의 변용

- 토 론
 - ▶ 박 준규 (한양대), 임 영언 (전남대)

재외한인학회 2013년도 연례 학술대회
상호 인식과 정체성 :
재외동포를 바라보는 시각들”
2013년 12월 12일 장소 외교센터 2층 회의실 주최 재외한인학회 후원 재외동포재단

PARADIGM OF DIASPORIC IDENTITY AND LANGUAGE

Dr. Hab., Professor German Kim, Chief Researcher Kazakhstan Institute for Strategic Studies
under the President of the Republic of Kazakhstan
Director of the International Center for Korean Studies Kazakh National al-Farabi University

1

INTRODUCTION OR WHY TREE TYPES OF IDENTITY?

- Diaspora's identity is often mixed with ethnic and national identity. There is *qui pro quo*, but actually Diaspora's identity does not coincide with them completely because of the difference of nation, ethnic group and the Diaspora. However, this confusion arises from the fact that all three communities of people differ in many ways from each other, carry one original core - "*ethnicity*".

2

INTRODUCTION OR WHY THREE TYPES OF IDENTITY?

- Mutual misunderstanding of key notions is also among scholars. This can be the result of the multi or mono-ethnic country of origin and socialization of a scholar. Based on these two types of countries, my attempt of graphic images of relationship between these types of identity led to two options, depending on a multiethnic, or mono-ethnic country.

3

INTERRELATION OF TWO TYPES OF IDENTITY IN MONO ETHNIC COUNTRY

5

CONCEPTS OF ETHNICITY

primordialism (Van den Berg, Girtts and Anthony Smith)

constructivism (Ernst Gellner, Benedict Anderson and Eric Hobsbawm)

instrumentalism (George de Vos)

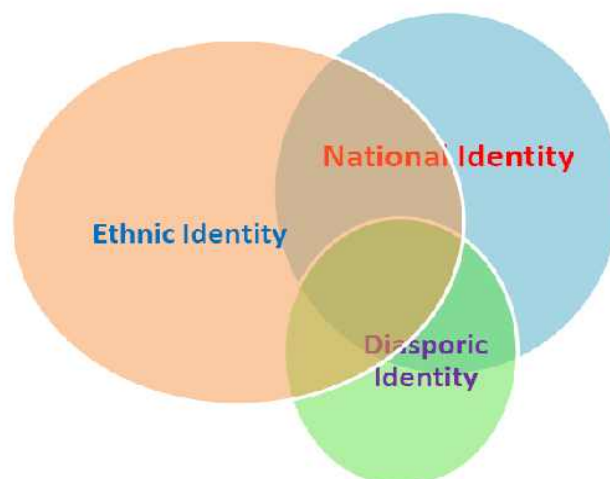
The terms "ethnic identity" and "ethnic self-consciousness"

Jean Piaget's three major developmental stages in the development of ethnic identity.

J. Berry suggestions of four types of ethnic identities for children of mixed marriages, depending upon the situation

6

INTERRELATION OF THREE TYPES OF IDENTITY IN MULTY ETHNIC COUNTRY

4

NATIONAL IDENTITY OR NATIONALITY

- **Reflection of a nation existence , its place and role in the life of society, the relationship to other ethnic communities**
- **Национальность (natsionalnost) – (Ethnic origin) – Nationality = citizenship (гражданство)**
- **The concept of "Russian" and similar concepts - "Kazakhstani", "Uzbekistani" or "Co- Ukrainians "**

ETHNIC IDENTITY - A STABLE SYSTEM OF CONSCIOUS PERCEPTIONS AND EVALUATIONS OF ACTUAL ETHNIC CHARACTERISTICS:

- **этноним (самоназвание) - ethnonym (self appellation);**
- **происхождение и историческое прошлое - origins and historical past;**
- **этническая территория - ethnic territory;**
- **язык, религия, культура, экономика и др. элементы различных подсистем - language, religion, culture, the economy and other elements of the various subsystems;**
- **этничность в качестве антропологических и психологических особенностей членов этноса - ethnicity as an anthropological and psychological characteristics of the co-ethnics**

ETHNIC IDENTITY OF IMMIGRANTS

- **Immigrants (not refugees or victims of trafficking etc) – are not a split of ethnic core, but a special group of the most motivated, energetic and capable people with certain individual traits;**
- **Keeping the citizenship of the kin-state, acquisition of citizenship of the host-country, change of the national identity. Dual loyalty;**
- **Sustainable preservation of ethnic identity among immigrants;**
- **Diasporization – process of transformation and genesis from immigrant communities into Diaspora**

9

DETERMINANTS OF THE DIASPORIZATION

- **duration of residence in the host country;**
- **compactness or dispersion of the residence in the host-country;**
- **sex and age, family, social and occupational structure;**
- **Lingvo-cultural and confessional similarities or differences with the dominant ethnic communities;**
- **national and cultural policy of the host-country;**
- **relations with the kin-state ;**
- **strong network of Diaspora organizations, etc.**
- **Interracial, interethnic marriages**

10

FUNCTIONING OF THE DIASPORIC LANGUAGE

- **Restriction of form and function (oral form, is not used in the media, education, the judiciary, the army, etc.);**
- **The narrowness of the intra-familiar channel of the diasporic language;**
- **Weakness (lack of) impact of the literary (written and spoken) of the mother tongue;**
- **Archaisms (dialect) and borrowings from the dominant in the host-country language;**
- **Death of the diasporic language, shift to a foreign language, partial (linguistic) assimilation**

PREREQUISITE FOR THE FORMATION OF DIASPORIC LANGUAGE

dialect (koine) or standard language of immigrants;

- **presence or absence of ethno-linguistic contact zone;**
- **long isolation and geographic distance from the standard language;**
- **difference in the functioning of dialects in homeland and abroad (Harald Kloss, "obdachlose Dialekte")**
- **dominant foreign ethnic and language environment;**
- **compactness or dispersion of residence;**
- **intensity of relations with the kin-state;**
- **education in the ethnic language;**
- **Diaspora's Strategy: repatriation, immigration, extra ethnic integration, intra ethnic consolidation;**
- **speed of changing of the the native language: A - AB - BA - B.**

CONCLUSIONS

- **Not Diaspora generate diaspora's identity, but instead diasporic Identity creates a Diaspora**
- **At the core of this idea is the understanding of its historical uniqueness, of similarities and differences with the mother's ethnos and its splits, of the need to maintain relations with the homeland and desire for the of intra-diasporic consolidation and integration in the host country.**
- **Unlike the immigrant ethnic groups, uncertain whether they will adapt themselves n the host country, the Diaspora is aware that it's future is related to the new homeland.**
- **The main trend in the functioning of diasporic language is extinction.**
- **Language - an important feature of the Diaspora, but with it's death, the Diaspora remains until it identifies itself in the antithesis "WE & THEY", in which "they" are – other surrounding ethnic groups, as well as the mother's ethnic nucleus**

13

Q&A

14

ДИАСПОРАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ДИАСПОРНЫЙ ЯЗЫК

Диаспоральное (диаспорное)¹ самосознание зачастую смешивается с этническим и национальным, то есть налицо *qui pro quo*, хотя на самом деле оно не совпадает с ними полностью в силу различия общественного бытия их носителей - нации, этноса и диаспоры. Однако, такое смешение понятий происходит по той причине, что все три общности людей, отличающиеся по многим параметрам друг от друга, несут в себе одно изначальное ядро - «этничность».

Взаимное непонимание характерно даже на уровне ученых и это, по моему разумению, результат того, что одни исследователи происходят из полиэтнического общества, другие же родились и социализировались в моноэтнической и монокультурной среде. Исходя из этого посыла, моя попытка графического изображения взаимоотношений этих типов самосознания (именно взаимоотношений, а не самих типов!) привела к двум вариантам, в зависимости от того, о каком государстве идет речь. Либо, как принято говорить на русском - многонациональном, или моноэтническом.

Рис.1. Соотношение трех типов самосознания в полиэтническом обществе

Прежде всего, в мультикультурном сообществе система взаимоотношений всех трех типов самосознания не несет статичный характер, а будет представлять собой анимацию, в которой фигуры будут

изменять не только свои очертания, но и границы взаимопроникновения.

Рис.2. Соотношение трех типов самосознания в моноэтническом обществе

По хронологии возникновения, скорее всего первичным будет этническое самосознание, ибо ребенок начнет идентифицировать себя сначала немцем, французом, японцем или казахом, осознавать константность, преемственность и специфику этнических традиций, языка, семейного уклада. Затем наступит период определения гражданства, добровольно избранного или навязанного извне, с учетом которого позднее проявится диаспорное самосознание. У взрослых людей, которые иммигрируют в иную страну с сформировавшейся этнической идентичностью, происходит первоначально смена национального самосознания, в виде перетекания из лояльности к стране-донору, к стране-реципиенту. Затем появляется со временем диаспорное самосознание, онтогенез и филогенез которого зависят от ряда предпосылок и условий, о чем речь пойдет чуть позже.

У детей, рожденных и живущих в моноэтнической среде, оба типа самосознания возникают почти одновременно, параллельно. Например, в Южной Корее, которая называет себя Дэхан Мингук (Республика Корея) или сокращенно – Хангук², с самого раннего возраста индокринируется триединство *ханнара*, *хаминчжок*, *хангыль*, то есть – одна страна, один народ, одна письменность. Хангыль в этом контексте означает не только национальный алфавит, которым корейцы по праву чрезвычайно гордятся, но всю этническую корейскую культуру. Поэтому редко кто там понимает, как можно осознавать себя корейцев, при этом не владеть корейским языком? Как быть корейцем и не разделять корейский ультра-патриотизм, который кто-то метко назвал «уринараизмом» (слово состоит из трех частей: *ури*– наш, *нара* – страна и знакомый суффикс – *изм*), ибо упомянутое триединство повторяется как «отче наш».

В этногомогенных государствах действует двухкомпонентная модель соотношения самосознания: национального и этнического. Этничность, как было уже отмечено, является одной из ключевой составляющей всех

типов самосознания и существуют три теоретико-методологических подхода к этому феномену: примордиалистский; инструменталистский и конструктивистский.

Примордиалисты, главным образом антропологи (этнологи) рассматривают этничность в качестве первородной (изначальной) характеристики, присущей индивиду как члену этнической группы, основа которой - кровное родство, общее происхождение и исконная территория. Среди известных западных представителей этого течения отмечаются Ван ден Берг, Клиффорд Гиртц, Энтони Смит,³ среди российских (советских) - Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев и др.⁴

Для последователей конструктивизма - этничность коренится не «в крови», а «в мозгах» индивидов, которые являются членами этнических групп - «воображаемых сообществ» или «социальных конструкций». В рамках этого наиболее популярного на Западе течения в изучении этничности, особую значимость приобретают не объективные атрибуты этнической группы (кровное родство, общая территория и история), а ее субъективная сторона: общие мифы, групповое сознание, чувство солидарности. Наиболее часто упоминаемыми западными учеными, работающими в рамках конструктивизма, являются Эрнст Геллнер, Бенедикт Андерсон и Эрик Хобсбаум.⁵

Инструментализм сочетает в себе и «примордиалистские» и «конструктивистские» составляющие. Сложившись в рамках политологии, социологии и антропологии, он отличается функциональным подходом. Ученые инструменталистской ориентации предлагают объяснение этничности как средства достижения групповых интересов, как идеологию, создаваемую элитой для мобилизации группы. К наиболее известным инструменталистам относят Джорджа де Воса.⁶ Этому же подходу в объяснении этничности придерживаются современные российские исследователи, такие как Губогло М.Н., Дробижева Л.М., Солдатова Г.У. и др.⁷

Термины "этническая идентичность" и "этническое самосознание" в большинстве случаев выступают как синонимы, однако существуют ситуации, когда имеет смысл разграничить эти понятия. Этническая идентичность – это осознание личностью своей принадлежности к определенному этносу, переживание индивидом своего тождества с одной этнической общностью и обособление от других этносов. В ее структуре обычно выделяют два основных компонента - когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя как ее члена на основе определенных характеристик) и аффективный (оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства).

С этнической идентичностью сопряжена так называемая «этническая самоидентификация» - сознательный акт этнического самоопределения человека в контексте отнесения себя к конкретной этнической общности.

Обычно человек причисляет себя к тому этносу, к которому принадлежат его кровные родственники и родители. Однако этническая самоидентификация может быть нарушена по ряду социальных и психологических причин.

Швейцарский ученый Жан Пиаже был одним из первых, кто предложил свою разработку этапов развития этнической идентичности, выделив 3 основных:

1) 6-7 лет. В этом возрасте ребенок приобретает первые – фрагментарные и несистематичные знания о своей этнической принадлежности. Наиболее значимыми для него являются семья и непосредственное социальное окружение, а не страна или этническая группа;

2) в 8-9 лет ребенок уже четко идентифицирует себя со своей этнической группой, выдвигает основания идентификации – этническая принадлежность родителей, место проживания, родной язык;

3) в младшем подростковом возрасте (10-11 лет) этническая идентичность формируется в полном объеме, в качестве особенностей разных народов ребенок отмечает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры.⁸

Дальнейшие исследования показали, что этническая идентичность впервые проявляется в 3-4 года, основанная на различии антропологических признаков представителей этнических групп, таких как цвет кожи, цвет волос. Однако в полном объеме, осознанно, идентичность проявляет себя в младшем подростковом возрасте, когда происходит осознанное различие своего этноса от другого. Этническая идентичность образование динамическое, она изменяется со временем: человек может переосмыслить роль этнической принадлежности в своей жизни. Поэтому формирование этнической идентичности не прекращается в подростковом возрасте, так как процесс их воспитания происходит под влиянием традиционных устоев и ценностей жизни, как правило, в рамках семьи, клана, общины. В формировании этнической идентичности существенным оказывается сознательное отнесение себя к определенному этносу, которое происходит раньше, чем ребенок начинает осознавать постоянство этнических характеристик. Этнические константы, фиксируясь в сознании индивида в подростковом возрасте, завершают собой как формирование этнической идентичности. Иными словами, наблюдается четкая временная последовательность формирования трех основных констант. Осознание неизменности половых характеристик наступает в 2-2,5 года, расовых - в 8-9 лет, а этнических, в процессе которого необходимо использование сложных механизмов социокультурной идентификации и межпоколенной передачи информации - не ранее 12-13 лет.⁹

Процессы формирования этнической идентичности и самосознания индивидов, рожденных от смешанных браков и выросших в условиях

повседневного межкультурного взаимодействия, протекают со своеобразной спецификой. Многие исследователи отмечают, что смешанные браки способствуют упадку этничности и дети в этногетерогенных семьях обретают не просто смешанную или двойственную идентичность, но и ситуационную (множественную), выступая в зависимости от социального контекста как представители различных этнических групп.

Канадский этнопсихолог Дж. Берри предложил выделять четыре типа этнической идентичности для потомков смешанных браков в зависимости от ситуации:

1. моноэтническая идентичность (высокий уровень идентичности со «своей этнической группой» при отсутствии или низком уровне идентичности с «чужой»);

2. моноэтническая идентичность с «чужой» этнической группой;

3. биэтническая идентичность (высокий уровень идентичности с обеими этническими группами);

4. маргинальная этническая идентичность (низкий уровень идентичности с обеими группами или даже ее отсутствие).¹⁰

*Этническое самосознание есть устойчивая система осознанных представлений и оценок реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаков этноса.*¹¹ То есть понятие этнического сознания объемно и многогранно и оно находит свое выражение в разнообразных проявлениях жизни этноса. К наиболее значимым и присущим для этноса признакам относят этноним (самоназвание), происхождение и историческое прошлое членов этноса, этническая территория, язык, религия, культура, экономика, представляющие элементы различных подсистем или сфер этнической культуры, а также этничность носителей в качестве антропологических и психологических особенностей членов этноса.¹²

Этничность, как известно, является сложной структурой этноформирующих факторов и производных этнических признаков. Поэтому, когда речь идет о диаспоре, интерес вызывают этнические признаки, то есть те специфические черты субэтноса, которые отражают реально существующие различия между ним и этносом-ядром и другими окружающими этносами.

В качестве таких этнодифференцирующих признаков, могут выступать самые разные характеристики: обряды и обычаи, язык, моральные и этические нормы, историческая память, религия, миф об общих предках, национальный характер и т.д. В эту группу включается сейчас этническое самосознание, которое долгое время не рассматривалось в качестве признака этноса. Н.Н. Чебоксаров, анализируя язык, территорию, совокупность черт культуры, присущую определенным этносам, утверждает: «Взаимодействие этих признаков, их суммарное

влияние на образование и сохранение этнической общности выражаются в виде вторичного явления - этнического самосознания, которое, в конечном счете, оказывается решающим для определения принадлежности отдельных личностей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности. Этническое самосознание представляет собой своего рода результату действия всех основных акторов, формирующих этническую общность».¹³

Национальное сознание, как известно, представляет собой отражение бытия нации, ее места и роли в жизни социума, отношения к другим национальным общностям. Национальное сознание складывается параллельно с формированием национального бытия.

Значение и роль признаков в этническом самосознании диаспоры меняются в зависимости от особенностей историко-политической ситуации, от уровня консолидации, специфики этнического окружения. С развалом СССР и возникновением новых суверенных государств встала проблема смены идентичности. Миллионы людей задались вопросом: *“Если я не советский человек, то кто же?”* Здесь надо подчеркнуть, что советская и нынешняя национальная идентичность качественно различны. Социологические опросы эпохи перестройки показывают поразительное различие в самоопределении русских и представителей других народов СССР (молдаван, украинцев, эстонцев). Если последние осознавали себя молдаванами, украинцами и т. д., то русские определяли себя - *“советский человек”*. Распад Союза поставил на повестку дня проблему государственной стратегии формирования национальной идентичности. К середине 1990-х годов в России появляется концепция российской политической нации - *“россияне”*. Понятие *“россиянин”* и подобные концепты государств сограждан – *«казахстанцев»*, *«узбекистанцев»* или *«соукраинцев»* пока еще не прижились в постсоветском пространстве. Ярким свидетельством тому стали бурные дискуссии относительно включения и или исключения в заграничных паспортах и национальных удостоверениях личности графы – национальность.

Исторический опыт показывает, что в иммигрантской общине, отколовшейся от этнического ядра и оказавшейся в иной стране, происходят эволюционные процессы ее идентичности и самосознания. Как правило, эти процессы растягиваются на несколько поколений, ибо они определяются как совокупностью внутренних факторов, так и интенсивностью внешнего воздействия. Сохранение этнического самосознания зависит от наличия или отсутствия административного автономного образования, этнокультурного анклава, связей с исторической родиной, притока новых соотечественников-иммигрантов; доли межэтнических браков и детей, рожденных в них; от характера проводимой в стране проживания национальной и языковой политики и т.д.

При переселении части этноса на новое место, не только первое поколение иммигрантов, но и их потомки в той или иной мере сохраняют прежние отличительные, т. е. этнические свойства. Длительное проживание в иной стране трансформирует поколения иммигрантов в *субэтнос* – диаспору, отколовшуюся от основного этнического ядра, отличающуюся своеобразием культуры, образа жизни и языка. У представителей такого субэтноса (диаспоры) существует, как правило, двойное этническое самосознание: сознание принадлежности к этносу и сознание принадлежности к диаспоре.

Потомки иммигрантов, длительно проживающие за пределами своей исторической родины (этнического ареала), обычно подвергаются ассимиляции, то есть растворению в доминирующей иноэтнической среде. Постепенное забвение родного языка, обычаев, этнической культуры приводит, в конце концов, к потере субэтносом чувства прежней этнической принадлежности. Этот процесс обычно завершается со сменой нескольких поколений. Однако, диаспора не исчезнет до тех пор, пока ее члены воспринимают самих себя в антитезе "мы - они", причем под последними понимаются все остальные, включая этнос-ядро, от которого когда-то откололись их предки.¹⁴

Такой теоретический подход подходит в случае с корейской диаспорой Казахстана, которая имеет собственный этноним (название и самоназвание) – «коре сарам». С одной стороны, коре сарам имеют много общего с корейцами, проживающими на Севере и Юге Корейского полуострова. У них общие генетические корни, единый расовый и антропологический тип, многовековая общая история, культура и язык. Но с другой стороны коре сарам сильно отличаются от всех других корейцев. За прошедшие полтора столетия с момента переселения на русский Дальний Восток произошли значительные изменения в их менталитете, этнической культуре, языковой компетенции, социальном положении, образовании и даже во внешнем облике.¹⁵

Эволюция национальной идентичности и этнического самосознания, генезис диаспоры коре сарам происходили, как представляется, в следующих основных этапах:

1. Провинциальное самосознание корейских переселенцев на русский Дальний Восток.
2. Антияпонская борьба, коммунистическое движение и пробуждение национального самосознания.
3. Множественная идентичность периода национально-культурного строительства в СССР.
4. Сталинские репрессии и подавленное самосознание депортированного по этническому признаку народа.
5. Дремлющее самосознание в брежневский застой.

6. Перестройка, ренессанс этничности и формирование постсоветского диаспорного самосознания.

7. Радикальные изменения национальной идентичности и инновации в диаспорном самосознании постсоветских корейцев.¹⁶

Предлагаемая периодизация носит рабочий характер, поэтому ее полновесная аргументация и развернутая интерпретация станет задачей отдельного исследования. Такое схематичное этапирование метаморфоз национальной идентичности и этнического (диаспорного) самосознания носит в данном случае лишь ограниченную, вспомогательную функцию.

Порой кардинальные перемены в национальной принадлежности (гражданстве) происходят в кратчайшие сроки, как это случилось после развала федеративных государств в Восточной Европе и распада СССР. Здесь речь идет скорее не об эволюции, а о коренной ломке привычного самосознания, как на индивидуальном, так и групповом уровнях. Диаспоры, как и все социальные структуры подвижны, поэтому убедительным представляется утверждение С. Арутюнова о том, что «диаспора - это не только и не столько состояние, диаспора - это процесс развития от «еще не диаспоры» через «собственно диаспору» к «уже не диаспоре».¹⁷

Современным диаспорам, которые преимущественно урбанизированы, свойственны более высокие темпы ассимиляции и форсированной трансформации традиционного образа жизни. В 21 веке переходы из одной стадии генезиса диаспоры в другую, на которые в прежние времена уходили века, происходят интенсивно и в ускоренном режиме. Смена многих этнокультурных признаков, таких как традиции, обычаи, родной язык, религия предков будет протекать в урбанизированной и унифицированной среде в течение жизни двух-трех поколений.

Анализ диаспорного сознания, требует дифференцированного подхода к его носителям. Представителей диаспоры делят на две основные группы: иммигрантов первого поколения уже со сложившимся национальным и этническим сознанием; и последующих поколений, родившихся и выросших в стране-реципиенте. У взрослых иммигрантов происходит длительная, порой болезненная перестройка национального (этнического) сознания в диаспорное. Диаспорное сознание рожденных в стране-реципиенте изначально исконно, но не без наслоения в виде различных пластов собственно национального (этнического) сознания.¹⁸

Иммигранты, проживающие в иноэтнической, инокультурной среде, оказываются в процессе диаспоризации под влиянием целого комплекса внутренних и внешних факторов, отличающиеся по амплитуде интенсивности. Считается, что скорость перехода от иммигрантской общины к диаспоре зависит от таких основных факторов как:

- компактность расселения в иной стране;

- возрастная, половая и семейная структура;
- лингвокультурное и конфессиональное сходство или различие с доминирующим иноэтническим населением;
- проводимая национально-культурная политика принявшего иммигрантов государства;
- интенсивность связей с исторической родиной;
- наличие сильной сетевой диаспорной организации;
- межрассовые, межэтнические браки и т.д.

Одним из ключевых моментов в понимании сущности диаспорного сознания заключается в понимании того, что не диаспоры порождают диаспоральное сознание, а напротив, диаспорное сознание создает диаспоры. Генезис диаспоры в основе своей объективен, но утверждать что процессы формирования диаспоры завершились, можно только лишь со становлением диаспорного сознания.

Значение и роль признаков в этническом самосознании диаспоры меняются в зависимости от особенностей историко-политической ситуации, от уровня консолидации, специфики этнического окружения. Утверждение, что у диаспор с долгой историей центр тяжести в структуре этнических признаков сместился в обряды, обычаи и традиции, пока в в некоторой степени априорно, хотя такая априорность не исключает его истинности. На самом деле, диаспоранты в полной мере ощущают иными, отличными от других именно в дни древних народных праздников.

В самосознании диаспоры ключевое место занимает диаспорная идея, скрепляющая как стержень все последующие поколения, начиная с пионеров-эмигрантов. В основе этой идеи лежит понимание исключительности своей исторической судьбы; сходства и различий с материнским этносом и его сколками, оказавшимися в других странах; необходимости установления и сохранения каналов связи с исторической родиной; стремление к внутрдиаспорной консолидации и межэтнической интеграции в стране проживания. В отличие от иммигрантских этнических групп, неуверенных приживутся ли они в стране-реципиенте, диаспоры осознают, что их жизнь и будущих поколений связана с новой родиной.

Формирование и функционирование диаспорного языка

Важнейшим фактором становления диаспорного сознания служит знание родного языка родителями и старшими членами семьи, которые воспитывают в детях интерес к национальному языку, традиционной культуре, прививают этнически окрашенные элементы этики, формируют диаспорное восприятие картины мира.

На формирование и развитие диаспорного языка, по моему мнению, оказывают влияние следующие предпосылки и обстоятельства:

- **диалект** (койне) или литературный стандартный язык иммигрантов, как основа диаспорного языка
- наличие контактной этно-языковой зоны на родине или иных территориях
- длительная изоляция и пространственная дистанцированность от литературного (стандартного) языка
- различие в функционировании диалектов в исторической родине и за ее пределами (Harald Kloss, “obdachlose Dialekte”)
- Параметры доминирующего иноэтнического и иноязыкового окружения
- Компактный или дисперсный характер проживания в иной стране
- Национально-культурная и языковая политика страны-реципиента
- Интенсивность контактов с исторической родиной
- Наличие системы образования на этническом языке
- Активность иммигрантской (диаспорной) сетевой организации
- Стратегия диаспоры: репатриация, эмиграция, межэтническая интеграция, внутриэтническая консолидация
- Скорость смены изначально родного языка А на чужой язык В, который пройдя этапы А- АВ - ВА - В, становится первичным, а затем новым родным языком диаспоры.

Вышеупомянутые декларативные утверждения попробую подтвердить на примере диаспорного языка (коре мар) корейцев Казахстана, других государств постсоветского пространства.

До депортации корейцев в Казахстан и ликвидации системы образования на национальном языке корейский язык ранжировался в языки народов СССР, а вот советской статистике по печатной продукции он входил в группу «Языков народов зарубежных стран». И это в какой-то мере соответствовало объективной реальности, ибо книги, напечатанные на корейском языке, представляли собой в основном переводы общественно-политической, классической русской и советской литературы, выполненные на северокорейском языковом стандарте.

Поскольку корейский язык не преподавался в советских школах и не преподается ныне в школах Казахстана в объеме самостоятельного учебного предмета, его статус как языка национального меньшинства существенным образом отличается от статуса немецкого языка, который повсеместно классифицировался как «иностранный язык». Немецкий язык как учебный предмет преподавался во всех школах и вузах Казахстана.

Корейский язык имеет статус «родного языка», проживающих в Казахстане корейского населения, он имеет весьма ограниченные функции: в средствах массовой информации (одна еженедельная газета, одна 20-минутная радиопередача, повторяющаяся трижды в неделю и одна 30-минутная программа на телевидении); в искусстве (корейский театр),

литературе (один в 5-5 лет сборник рассказов или стихов) и образовании (корейские отделения в ряде университетов и вузов).

Коре мар - язык корейцев самых старших возрастных групп, существующий в основном в устной форме и функционирующий лишь в семейно-бытовой сфере. Далекие предки переселенцев на русский Дальний Восток и, следовательно, проживающих ныне корейцев Казахстана происходили в основной своей массе из провинции Северный Хамген (СХ). Диалекты этой провинции делились на три подгруппы: Югып (шесть уездов - Пурён, Кёнхын, Онсон, Кёнвон, Косон и Хверён) самой северной части Корейского полуострова, граничащей с Россией и Китаем; Саып («четыре уезда – Кёнсон, Менчхон, Кильчу и Хаксон) и Мусан. С языком корейцев Казахстана в большей степени связана первая подгруппа диалектов СХ. Во время правления вана Седжона на самых северных границах Кореи были заложены 6 крепостей-гарнизонов – Юкчин, которые позднее назывались Югып. Продолжительная изоляция от развивавшихся литературных языков, поглощение элементов диалектов малочисленных выходцев их южных провинций, затем консервация и наконец, влияние русского языка привели к образованию лингвистического феномена, получившего название *коре мар*.¹⁹

В соответствии с социолингвистической терминологией, предложенной Х. Клоссом можно говорить о *коре мар* как специфической форме «неприкрытого диалекта» (от немецкого – *obdachlos*, т.е. не имеющего крыши). В отличие от диалектов Корейского полуострова, имеющих «крышу», прикрытие со стороны литературного корейского языка, диалекты корейцев России и Казахстана, оторванных от языкового ядра, лишены были такой защиты. Некоторые исследователи называют *коре мар* «вариантом корейского языка, сложившегося в условиях изоляции на основе двух северо-восточных диалектов корейского языка».²⁰ При этом речь идет о лексико-грамматических особенностях природы *коре мар*, однако его определение как «варианта корейского языка» должно подкрепляться социальными функциями, выполняемым им в повседневной жизни диаспоры.

Проживание в различных типах иноэтнического окружения, закономерности языковых контактов привели к пополнению ограниченного лексического фонда *коре мар* заимствованиями из русского и других языков. *Коре мар* практически не знает письменной формы, не звучит в эфире и на театральной сцене, не используется в средствах массовой информации, не преподается в школах - он вымирает. Пройдет десять-пятнадцать лет и не останется носителей этого лингвистического уникама.

Есть путь трансплантации живых и полнокровно функционирующих литературных стандартов пхеньянского или сеульского. Складывается парадоксальная ситуация: в газете «Коре ильбо», где переводчики

сахалинские корейцы - выходцы из южных провинции Кореи - пишут на весьма приближенном к пхеньянскому северо-корейским языком, на радио звучит устами тех же сахалинских корейцев речь, напоминающая сеульский стандарт, а в Алматинском государственном университете преподавали профессора из Пхеньяна и Сеула, соответственно по северо-корейским и южно-корейским учебникам. Профессор из Хельсинки Ко Сон Му безуспешно пытался преподавать в том же АГУ коре мар, чему воспротивились сами студенты и их родители.

Что касается функционирования диаспорных языков, то на мой взгляд, к его существенным отличиям от полнокровно живущего литературно-стандартных языков можно отнести следующее:

- Рестрикция формы и функций (устная форма, не используется в обучении, СМИ, и т.д.)
- Узость внутрисемейного канала передачи диаспорного языка
- Слабость (отсутствие) влияния литературного (письменного и разговорного) материнского языка
- Архаизмы (диалектные) и заимствования из доминирующей языковой среды
- Вымирание диаспорного языка, переход на иной язык, частичная (языковая) ассимиляция

Предлагаем рассмотреть эти положения детальнее на примере диаспорного языка корейцев Казахстана. Для начала уясним, хотя бы в общих чертах, сложившуюся среди корейской диаспоры этноязыковую ситуацию, а именно, ее составляющие: языковую компетенцию, речевое поведение и языковые ориентации.²¹ Языковая компетенция проявляется наглядно в степени владения тем или иным языком. Если сравнить степень владения корейским, казахским и русским языками то станет очевидно, что преобладающим и первичным языком для абсолютного большинства корейцев Казахстана является русский язык. Им совершенно свободно владеют 90-95% корейцев. Практически не осталось ныне корейцев, совершенно не владеющих русским языком. Уровень свободного владения казахским языком в силу различных объективных причин и обстоятельств предшествующего периода очень низкий. Доля корейцев, признающих за собой свободное владение казахским языком составляет 2-3 процента от общей численности.

Современная языковая компетенция корейцев Казахстана детерминировалась такими факторами как: национальная и языковая политика советского периода, изменившийся характер расселения, интенсивная плотность межнациональных контактов, высокий уровень производственной занятости, образования и профессиональной квалификации.²²

Изменение языковой компетенции в значительной степени зависело от отношения самих советских корейцев, которые не отличались активным стремлением к сохранению и развитию языкового и культурного наследия. Корейцы демонстрировали устойчивый интерес к овладению русскому языку в совершенстве, что открывало возможности к получению знаний, образования; достижению успехов в трудовой деятельности, повышения социально-культурного статуса как на индивидуальном уровне, так и в масштабе всего этноса. Такой ускоренный по сравнению с другими национальными меньшинствами переход на языковой код доминирующего иноэтнического окружения характерно в целом для всех зарубежных корейских диаспор, отличающихся высокой степенью аккультурации и языковой ассимиляции. Однако при этом зарубежные корейцы устойчиво сохраняют свою этническую самоидентификацию и не ассимилируются в численно превосходящей инонациональной среде.

В речевом поведении корейцев, охватывающем различные сферы жизнедеятельности, русский язык стал занимать доминирующее положение уже в 1950-70 гг., которое постоянно закреплялось в течение последующих двадцати лет. Использование корейского языка сужалось и ограничивается в настоящий момент в основном внутрисемейным общением и общением самых старших возрастных групп между собой.²³

Материалы переписей населения, однозначно свидетельствуют о снижении доли корейцев, признающих корейский язык в качестве родного: в 1970 г. - 64%, в 1979 г. - 56,1%, а в 1989 г. - 51,7%. Однако следует подчеркнуть, что признание его родным не означало владение им и использование его в повседневной жизни. Язык, как известно, не только универсальное средство коммуникации, передачи информации и т.д. Он является неотъемлемым атрибутом и символом этнического самосознания и, поэтому в признании корейского языка в качестве родного сыграли именно этнопсихологические факторы, проявилась этническая самоидентификация по формуле: я кореец – корейский - мой родной язык. Этносоциологические и социолингвистические исследования, проведенные в последние годы среди корейской диаспоры подтвердили априорный вывод о несоответствии объективной языковой компетенции и субъективного осознания языка в качестве родного.²⁴

Уровень языковой компетенция и характер речевого поведения различаются по возрастным и социальным группам корейской диаспоры Казахстана, что подтверждено рядом проведенных анкетирований, а также данными предшествовавших советских переписей населения. В возрастной группе от 1 до 25 лет абсолютно преобладающая часть корейцев совершенно не владеет корейским языком. Для возрастной группы от 25 до 60 лет характерно пассивное владение языком на уровне понимания просторечия на обиходные, бытовые темы. Лишь самая старшая возрастная группа от 60 до 80 лет, выросшая в относительно

этнокомпактной сельской среде и получившая азы письменной национальной грамоты, владеет не в определенной степени активными видами речевой деятельности, то есть говорением и письмом. Для поколения рожденных и социализировавшихся в Казахстане корейцев родным языком стал русский, а для преобладающей части депортированного поколения, которых в определенном смысле можно отнести к билингуам, русский язык по степени владения стал первичным, а корейский – вторичным.

Что касается дифференциации языковой компетенции по социальной принадлежности, то в первичном делении на людей на две группы: умственного и физического труда, безусловно первая уступает второй в степени сохранения навыков корейского языка. Физическим трудом корейцы были заняты в основном аграрном секторе, а как известно именно село является в тем этногеномным резервуаром, в котором лучше чем в национально-смешанном городской «котле» сохраняется этническая культура и язык. Среди людей интеллектуального труда знания языка сохранили и развили те, кто по роду своей профессиональной деятельности были заняты либо в корейскоязычных средствах массовой информации (газета, радио, телевидение), либо в корейском театре.²⁵

Говоря об уровне владения корейским языком следует иметь ввиду, что часть современной корейской диаспоры Казахстана составляют сахалинские корейцы и немногие бывшие северные корейцы, языковая компетенция которых существенным образом отличается от основной массы. Именно представители этих групп в силу владения корейским языком на литературном уровне занимали ведущие позиции в корейскоязычных учреждениях культуры, искусства, а также в литературном творчестве

Данные, полученные в результате анкетирований, выявили среди корейской диаспоры Казахстана наличие тенденции регенерировать родной язык как основание этничности. Так, большое количество респондентов воспользовались возможностью изучать родной язык, появившейся в последние годы. Еще большее число опрошенных хотели бы сами изучать корейский язык и считают необходимым знание корейского языка своим детям.

Таким образом, качественные и количественные показатели свидетельствуют о смене родного языка, происшедшей у абсолютно преобладающей части корейцев. В силу действия факторов политического, социально-культурного и этнопсихологического характера сферы употребления корейского языка сузились до семейно-бытовых отношений. В завершении подведем **основные итоги и выводы:**

- Не диаспоры порождают диаспоральное сознание, а напротив, диаспоральное сознание создает диаспоры

- В основе этой идеи лежит понимание исключительности своей исторической судьбы; сходства и различий с материнским этносом и его сколками, необходимости сохранения каналов связи с исторической родиной; стремление к внутри-диаспорной консолидации и межэтнической интеграции в стране проживания.
- В отличие от иммигрантских этнических групп, неуверенных приживутся ли они в стране-реципиенте, диаспоры осознают, что их жизнь и будущих поколений связана с новой родиной.
- Основной тренд в функционировании диаспорного миноритарного) языка – вымирание.
- Язык – важный признак диаспоры, но с его отмиранием, диаспора остается до тех пор пока она идентифицирует себя в антитезе «Мы и Они», в которой «Они» – окружающие иные этносы, а также материнский этнос

¹ Определения «диаспоральное» и «диаспорное» используются в данной статье как синонимичные

² Официальное название Северной Кореи Чосон Инмин Минчжучжуи Конгхвагук (Корейская Народно-Демократическая Республика) или сокращенно Чосон.

³ См.: Van den Berghe, P. Race and Ethnicity: A Sociobiological Perspective. *Ethnic and Racial Studies*, 1978, Vol. 1, N4, p. 402-411; Geertz, C. The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States. In C Geertz (Ed.): *Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa*, Free Press: New York, 1963, p. 107-113; Smith, A. D. *The Ethnic Origin of Nations*. New York: Blackwell, 1986.

⁴ Бромлей Ю.В. *Очерки теории этноса*. М., 1983.- 412 с.; *Этносоциальные процессы: теория, история и современность*. М.: Наука, 1987.- 333 с.; Гумилев Л.Н. *Этногенез и биосфера Земли*. 2 изд. испр. и доп. - Л.: Изд-во ЛГУ. 1989. - 496 с.; *География этноса в исторический период*. - Л.: Наука. 1990 -253 с.

⁵ Gellner, E. *Nations and Nationalism*. Oxford: Blackwell, 1983; Anderson, B.,: *Imagined Communities*. Revised and extended edition published by Verso, 1983, reprinted 1995; Hobsbawm, E.J. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

⁶ George DeVos, *Identity Problems of Immigrant Minorities: A Psychocultural Comparative Approach Applied to Korean Japanese*, in *Sourcebook in the New Immigration: Implications for the United States and the International Community*. Roy Simon-Bryce-Laporte (ed.), New Brunswick, New Jersey: Transaction Books, 1980, pp. 321-328; *Ethnic pluralism: conflict and accommodation - the role of ethnicity in social history*. In: *Ethnic Identity: Creation, Conflict, and Accommodation*. Walnut Creek : Altamira Press 1995, pp. 349-379.

⁷ Губогло М.Н. В лабиринтах этнической мобилизации. // *Вопросы истории*. - 2000. - №3. - С. 106-124; Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // *Россия реформирующаяся / Под редакцией Л. М. Дробижевой*. Academia, 2002. С. 213-244 и др.

⁸ См.: Пиаже Ж. *Генетическая эпистемология*. - СПб.: Питер, 2004.- 160 с.

⁹ Aboud, Frances E., and Shelagh A. Skerry. "Self and Ethnic Concepts in Relation to Ethnic Constancy." *Canadian Journal of Behavioral Science*. 1983, Vol. 15, No. 1, pp. 14-26; Ocampo K.A., Bernal M.E., Knight G.P. *Gender, race, and ethnicity: the sequencing of social constancies.- Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities*. Albany: State University of New York, 1993, pp.11-30.

¹⁰ Berry, J.W. *Ethnic identity in plural societies*. In M. Bernal & G. Knight (Eds). *Formation and Transmission of Ethnic Identity*, Albany: State University of New York Press. 993, pp. 271-296.

-
- ¹¹ См.: Старовойтова, Г. В. К исследованию этнопсихологии городских жителей: По материалам опроса трех городов Татарской АССР / Г. В. Старовойтова // Советская этнография. – 1976. – № 3. – С. 45 – 56.
- ¹² Хотинец В.Ю. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 67-74.
- ¹³ Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. Советская Этнография, 1967, № 4, с. 99
- ¹⁴ Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора. // Этнографическое обозрение, 2000, №2; Текст одноименной лекции на сайте электронного журнала «Скепсис». http://scepsis.ru/library/id_75.html
- ¹⁵ Ross King and German Kim. “The Northern Region of Korea as portrayed in Russian sources, 1860s-1913. Proceedings of the conference *The Northern Region, Identity, and Culture in Korea*. October 20 and 21, 2005, Harvard University, Center of Governmental and International Studies, Cambridge, MA, pp. 209-271
- ¹⁶ Ким Г.Н. Эволюция национальной идентичности и этнического самосознания постсоветской корейской диаспоры. Международные исследования. Общество. Политика. Экономика. Астана: Институт Социально-политических исследований. №2, 2010, с. 37-53
- ¹⁷ Арутюнов С.А. Диаспора - это процесс // Этнографическое обозрение. - 2000. - № 2. -С.77.
- ¹⁸ См.: Калустьянц Ж.С. Диаспорное сознание в современном обществе // Вестник Ставропольского государственного университета. 50/2007, с. 288-294.
- ¹⁹ См.: King J.R.P. An Introduction to Soviet Korean. – Language Research. Vol.23, No.2, Seoul, 1987, pp. 233-277; Kho Songmo. Koreans in the Soviet Central Asia. *Studia Orientalia*. Vol. 61, Helsinki, 1987, pp. 101-140.
- ²⁰ Пак Н.С. Корейский язык в Казахстане: проблемы и перспективы. - Алматы, 2005. - 303 с.
- ²¹ Haarman H. Aspekte der koreanisch-russischen Zweisprachigkeit. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1982.- 214 S.
- ²² Югай И.Г. Развитие современных этноязыковых процессов в инонациональной среде. АКД, М., 1982, с. 15
- ²³ Hur Seung-Chul. Language Shift and Bilingualism among Soviet Nationality Groups.- *The Journal of Slavic Studies*, 1988, Vol.3, Seoul, pp.123-139
- ²⁴ Хан М.М. Язык и этническое самосознание корейцев Казахстана. – Кунсткамера. Этнографические тетради. 1996, вып. 10, с. 35-60; Сон С.Ю. Социолингвистический анализ функционирования коре мар и русского языка в корейской диаспоре Казахстана. АКД, Алматы, 1999.- 31 с.
- ²⁵ Ким Г.Н. Об истории принудительно-добровольного забвения «родного» языка постсоветскими корейцами (на примере Казахстана).- Диаспора (Москва), 2003, No. 1, с. 110-146.